ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

2

ФЕВРАЛЬ 1950 FEBRUARY

BRARY of the
TRIARCH ATHENAGORAS
THODOX INSTITUTE
he GRADUATE
EOLOGICAL UNION

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Срѣтеніе Господне, Прот. М. Помазанскаго 3

Отче нашъ, стихотвореніе, М. Расловлева 6

Памяти о. Іоанна Кронштадтскаго, В. Звѣрева. (Окончаніе) . . 10

У преп. Серафима за годъ до его кончины, Надежды Аксаковой (окончаніе) 17

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Ландыши, Евгеніи Гинце 24

Училище благочестія.

Молитва Св. Филарета Митрополита Московскаго 31

«Чей ты?», Св. Тихона Задонскаго 32

Письма къ мірянамъ, Епископа Игнатія Брянчанинова 33

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

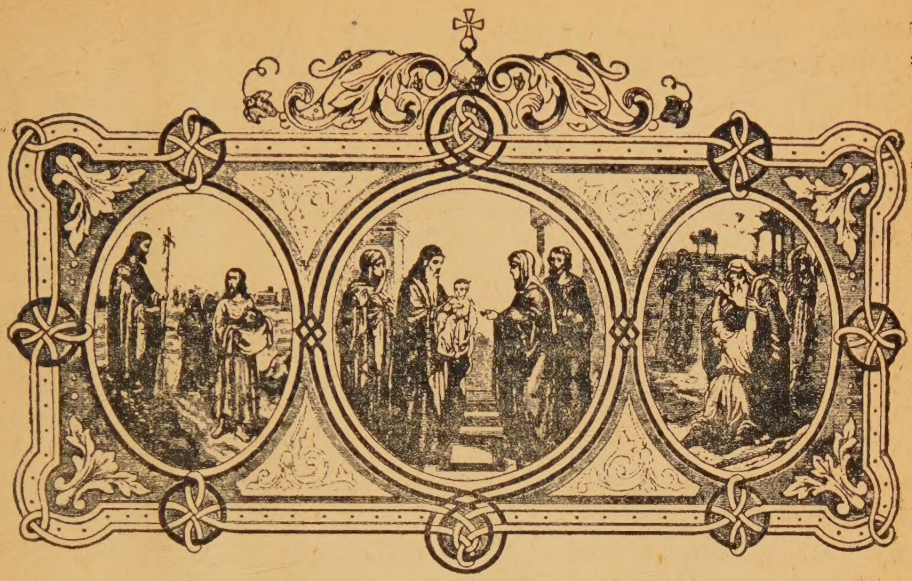
1. **Митрополитъ Анастасій.** Нравственный обликъ Пушкина — — — — **$ 0.30.**

2. **Конспектъ къ изученію историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта.** Составилъ Архіеп. Виталій. — **$ 1.50.**

Приближается Свѣтлый Праздникъ. Каждый православный христіанинъ устремится въ храмъ. Дайте ему возможность получить всю полноту радости отъ божественной службы: услышать, уразумѣть каждое ея слово. А для этого дайте ему въ руки маленькое изящно изданное **Послѣдованіе пасхальной службы,** только что выпущенное для этой цѣли Монастыремъ. Цѣна 25 центовъ. Для выписывающихъ не меньше 50 экземпляровъ цѣна 15 цент.

Имѣется на складѣ **Канонъ св. Андрея Критскаго** на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Цѣна 75 цент.

— * * * —



СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Намъ трудно представить себѣ, съ какой волнующей надеждой, съ какимъ предвкушеніемъ радости о Богѣ ожидали избранные Божіи—въ тиши, въ безвѣстности, въ молчаливомъ трепетѣ — святыхъ знаменій Божіихъ о пришествіи Отрока, о Комъ написано у пророка Исаіи: *Вотъ Отрокъ Мой, Котораго Я держу за руку, избранный Мой, къ Которому благоволитъ душа Моя* (Исаіи 42, 1). *Ибо Младенецъ родился намъ, Сынъ данъ намъ, владычество на раменахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный Совѣтникъ, Богъ Крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь міра, умноженію владычества Его и мира нѣтъ предѣла* (Исаіи IX, 6-7).

Знали изъ Писаній о таинственномъ времени, когда — *волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ ;и теленокъ, и молодой левъ, и волкъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ; и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому".* (Ис. XI, 6-7). Благочестивые среди іудейскаго

народа устремляли свой духовный взоръ въ это грядущее, для нимъ самихъ скрытое за таинственными, символическими образами.

Но не только ждало іудейство. Этимъ ожиданіемъ жилъ міръ языческій — болѣе чуткіе изъ римлянъ, грековъ и среди народовъ Востока. Объ этомъ говорятъ многіе литературные памятники того времени.

Шестьдесятъ двѣ "седмины" отъ указа Артаксеркса о возстановленіи Іерусалима до *"Христа Владыки", "когда будетъ преданъ смерти Христосъ"*, какъ объ этомъ написано въ пророчествѣ Даніила (Дан. IX, 25), близки были къ завершенію.

* * *

Міръ продолжалъ жить своей жизнью — суетливой, нечестивой, привычной. Іудейскій народъ безсильно склонялъ голову подъ римскимъ владычествомъ. Беззаботно жилъ сегодняшнимъ днемъ Римъ, владѣвшій міромъ, знавшій, что его покой охраняютъ римскіе легіоны.

Рыдали матери іудейскія въ Виѳлеемѣ и окрестностяхъ его о избіеніи ихъ невинныхъ дѣтей-младенцевъ.

А день уже пришелъ. Уже исполнилось предсказанное: *И ты, Виѳлеемъ-Ефрафа, малъ ли ты между тысячами іудиными? Изъ тебя произойдетъ Тотъ, Который долженъ быть Владыкою въ Израилѣ и Котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ* (Михея V, 2). Въ Виѳлеемѣ уже совершилось пришествіе Сына Божія на землю.

Исполнилось написанное: *Изъ зарѣчныхъ странъ Еѳіопіи поклонники Мои, дѣти разсѣянныхъ Моихъ, принесутъ дары* (Софр. III, 10). Ихъ привела къ Нему звѣзда, и они принесли свои дары Новорожденному.

Принесенъ въ храмъ Тотъ, о Комъ говоритъ пророкъ Агтей: *И придетъ Желаемый всѣми народами, и наполню Домъ сей славою, говоритъ Господь Саваоѳъ . . . Слава сего послѣдняго храма будетъ больше, нежели прежняго* (Агг.II, 7-9). И вотъ, Онъ принесенъ сорокадневнымъ Младенцемъ, въ скромной безвѣстности, съ жертвой въ видѣ двухъ птенцовъ голубиныхъ.

* * *

Великое начинается въ тайнѣ, но тайна, начинаясь, уже открывается избраннымъ. Она была открыта старцу Симеону,

"чаявшему утѣшенія Израилева". Ему было предсказано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня. И пришелъ онъ по вдохновенію въ храмъ (Лук. II, 25-27) и увидѣлъ Младенца Іисуса на рукахъ Матери Его. Тогда Симеонъ, вмѣстѣ съ пророчествомъ, обращеннымъ къ Матери Младенца, о ждущихъ Ее страданіяхъ за Сына, произнесъ вдохновенныя слова, ставшія на всѣ времена нашей христіанской церковной молитвой: "Нынѣ отпущаеши".

"Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ". Теперь я могу спокойно почить въ Богѣ. Мнѣ далъ Господь дождаться и видѣть ожидаемаго и Желаемаго всѣми народами и моимъ роднымъ народомъ.

Устами праведнаго Симеона произнесла эти слова вся лучшая часть дохристіанскаго человѣчества ,ихъ сказала ветхозавѣтная Церковь, уступавшая свое мѣсто Церкви новозавѣтной.

* * *

Для ветхозавѣтныхъ людей эти слова были словами утѣшенной разлуки. А для насъ, въ новомъ завѣтѣ, это гимнъ встрѣчи, радости.

"Нынѣ отпущаеши" — молимся вечеромъ въ храмѣ съ мыслью: Господи, Ты уже съ нами! Завтра мы снова въ радости будемъ славить Твое пришествіе въ міръ и пребываніе Духа Твоего съ нами.

"Нынѣ отпущаеши" — произносимъ, совершивъ возложенное на насъ доброе и полезное дѣло. Ты, Господи, далъ намъ не упасть, не выронить довѣреннаго намъ, далъ быть участниками общаго строительства; дай же, чтобы сдѣланное нами было къ добру и пользѣ для людей и во славу имени Твоего.

"Нынѣ отпущаеши" — благодаримъ послѣ причащенія Св. Таинъ на Божественной Литургіи. Ты удостоилъ насъ величайшаго таинства — Хлѣба Святаго, живого, вожделѣннаго, сходящаго съ небеси, очищающаго, освящающаго и обожающаго насъ. Даруй намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего.

"Нынѣ отпущаеши" — съ этими словами заканчиваетъ христіанинъ свой жизненный путь и отдаетъ въ руцѣ Божіи духъ свой, зная, что смерти по существу нѣтъ, что смерть побѣждена, что онъ, уходя по христіански изъ этой жизни, очистивъ себя исповѣдью, отходитъ къ Небесному Отцу въ надеж-

дѣ достичь вѣчныхъ обителей, гдѣ празднующихъ гласъ непрестанный и неизреченная сладость зрящихъ Лица Божія доброту неизреченную.

* * *

Срѣтеніе Господне стало въ Церкви христіанской ежегоднымъ праздникомъ, какъ воспоминаніе событія въ 40-й день по Рождествѣ Христовомъ. Но для тѣхъ, чьи мысль и сердце близки къ Господу, оно совершается не одинъ разъ въ годъ, а всякій разъ, когда они обращаются къ Нему. У нихъ въ душахъ частый — постоянный — вѣчный праздникъ радостнаго срѣтенія съ Господомъ.

Прот. М. Помазанскій.

ОТЧЕ НАШЪ.

Я шелъ усталый черезъ лѣсъ, —
Усталый отъ всего:
Самъ отъ себя, отъ жизни на чужбинѣ,
Отъ пошлости людской, отъ суетности свѣта ....
И, несмотря на яркій день,
Все было для меня темно, черно,
Безъ всякаго просвѣта.
Сознаюсь, даже чувству одиночества и страха,
Давно забытаго, такого,
Какой лишь въ дѣтствѣ иногда
Охватываетъ васъ, когда —
Для шутки васъ заведшій въ чащу — старшій спутникъ
Внезапно спрячется, —
Такому чувству я подпалъ .....
И, какъ ребенокъ,
Готовъ я былъ расплакаться, когда чудесно,
Какъ тихій лѣтній дождь,
На страждущую душу миръ сошелъ .....
Какъ? Почему? — Да такъ-жо, как и въ дѣтствѣ:
Когда, подкравшись вдругъ,
Васъ ласково обниметъ спутникъ вашъ,
Ко мнѣ же возвратилось — тоже,
Какъ вѣрный, добрый другъ —

Сознаніе того, что — гдѣ-бъ мы ни блуждали
И что бы ни случалось —
Нигдѣ и никогда насъ не покинетъ Тотъ,
Котораго (о, счастіе!) зовемъ мы:
ОТЧЕ НАШЪ.

О да, Отецъ, Великій, Всемогущій,
Съ Которымъ не страшна намъ жизни темнота,
Къ Которому достаточно душою потянуться,
Чтобъ вмигъ простерлась къ намъ Его рука;
Который въ мірѣ и надъ міромъ,
Во внѣ и въ насъ во всѣхъ,
Въ той сущности всепроникающей и тайной,
Которую себѣ мы представляемъ,
Когда мы говоримъ:
ИЖЕ ЕСИ НА НЕБЕСѢХЪ ....

И мыслію одной о Немъ уже согрѣтый,
Великой благодарностью къ Нему я воспылалъ
И не устами лишь, но и отъ сердца пожелалъ,
Чтобъ — всѣми струнами души моей воспѣтый —
Всегда царилъ въ ней Богъ,
И чтобы не на мигъ, а постоянно,
Дышало чувство это дивное во мнѣ,
Будь то въ отрадѣ совѣсти спокойной,
Иль въ горѣ покаянномъ — безразлично, —
Чтобъ я всегда, вездѣ
Могъ искренно сказать:
ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ .....

Да не во мнѣ одномъ
(Но гоже о себѣ лишь думать),
Но и во всѣхъ, кто въ мірѣ окаянномъ
Ждетъ лучшихъ, свѣтлыхъ дней,
На смѣну вѣка этого, лежащаго во злѣ,
И съ вѣрою зоветъ:
ДА ПРІИДЕТЪ ЦАРСТВІЕ ТВОЕ .....

Дабы тотъ голосъ внутренній,
Который такъ отрадно слушать,
Которымъ такъ умилена сейчасъ душа моя, —
Но и который жизнь, увы, легко такъ заглушаетъ! —
Чтобы громко онъ звучалъ всегда:
ДА БУДЕТЪ ВОЛЯ ТВОЯ .....

И тамъ, и здѣсь: въ намѣреньяхъ и въ дѣлѣ,
Въ мечтѣ и въ творчествѣ всѣхъ насъ,
Что дерзко смотримъ ввысь,
Но ползаемъ въ грязи;
Чтобъ Воли той вездѣ гремѣлъ побѣдно гласъ:
ЯКО НА НЕБЕСИ И НА ЗЕМЛИ .....

Но въ тотъ-же мигъ я вспомнилъ, какъ трудна
Малѣйшая и та попытка оторваться
Отъ мелочныхъ заботъ о нашихъ тѣлесахъ,
Какъ властвуетъ надъ нами голодъ, холодъ, страхъ:
Лишиться крова, заболѣть,
Не говоря уже о томъ, чтобъ умереть, —
Какъ этотъ страхъ рождаетъ зависть, злобу, —
Какъ изъ-за этихъ жалкихъ, тлѣнныхъ благъ,
Несчастный шаръ земной порой пылаетъ весь .....
И въ горестномъ сознаніи безсилья своего,
Какъ тонущій, съ мольбой воззвалъ я къ Богу:
ХѢБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМЪ ДНЕСЬ .....

И милостивъ къ намъ будь, къ намъ слабымъ,
Опутаннымъ цѣпями столькими рабамъ земли,
И въ безконечной кротости Своей съ насъ не взыщи
По справедливости,
А лишь по милости,
(Вѣдь нѣтъ огня, хотя-бъ и вѣчнаго,
Который-бъ до конца очистить могъ
Тѣ души оскверненныя, —
Когда-то чистыми врученныя намъ чаши!)
И ОСТАВИ НАМЪ ДОЛГИ НАШИ .....

Да, ну а мы?!.. Всегда ли такъ мы поступаемъ?
Всегда ли мы виновниковъ прощаемъ
Хотя-бъ и мелкаго укола самолюбья?
И часто ли вы милостивы и добры,
О, люди, милости просящіе у Бога,
Къ несчастнымъ ближнимъ вашимъ?...
Увы намъ, рѣдко лишь!
Такъ будемъ же мы впредь стараться
Хотя-бъ отчасти право заслужить
Судьѣ Всевышнему неложно говорить:
ЯКО ЖЕ И МЫ ОСТАВЛЯЕМЪ ДОЛЖНИКОМЪ НАШИМЪ ....

И вообще, что скажемъ мы Судьѣ
Въ Великій День?
Кто можетъ похвалиться,
Что чистъ дѣйствительно душой?
Иной и праведникъ-то лишь случайно: потому,
Что бѣсу было лѣнь съ такимъ возиться,
Иль —лучше говоря — что спасъ его Господь
Отъ непосильныхъ злоключеній .....
Не будемъ-же. хотя-бъ и «чистые», гордиться,
Но со смиреніемъ твердить:
Не оставляй насъ, Господи, однихъ
И НЕ ВВЕДИ НАСЪ ВО ИСКУШЕНІЕ .....

Не робость это, нѣтъ! Вѣдь только тотъ,
Кто съ страстью не знакомъ,
Не испыталъ ея терзаній,
Такъ можетъ говорить:
Я, до, снесу любое испытанье.
И кромѣ Бога, кто —
Хоть весь ему раскройся до конца —
Сумѣетъ отличить виновнаго отъ праваго?
Копнуть коль невзначай
Любую душу,
Что мы въ ней найдемъ?!...
Нѣтъ. Боже Милосердный, насъ не искушай,
НО ИЗБАВИ НАСЪ ОТЪ ЛУКАВАГО .....

Такъ думалъ я,
И такъ — какъ-бы сама собой —
Молитва изъ Молитвъ въ душѣ моей слагалась
И — какъ подъ молота ударами — меня
Опутавшая. было, цѣпь на части распадалась;
Пока, совсѣмъ освобожденный,
Я не воспрянулъ духомъ въ весь свой ростъ,
Утѣшенный и возрожденный.

Станъ выпрямивъ свой, полной грудью
Весеній бодрый вѣтеръ я вдохнулъ
И — Троицѣ Животворящей
Воздавъ хвалу и славу —
Другими ужъ глазами

На все кругомъ взглянулъ.
Сіяло солнце веселѣй,
Лазурь небесная казалась глубже,
Деревьевъ нѣжные листочки — зеленѣй,
И воздухъ — по иному синь ....
И, въ умиленіи сердечномъ преклонивъ колѣна,
Царю Небесному я земно поклонился
И громко произнесъ: да будетъ такъ — АМИНЬ.

М. РАСЛОВЛЕВЪ.

Парижъ. На Страстной Седмицѣ 1928 года.

ПАМЯТИ О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО *)

Вернувшись въ Петербургъ, къ стыду моему, я не сумѣлъ собраться поѣхать въ Кронштадтъ, чтобы поблагодарить о Іоанна за его благодѣяніе, и, откладывая поѣздку со дня на день, чувствовалъ себя не хорошо, какъ человѣкъ, не выполнившій своего долга. Неизвѣстно, когда бы я собрался въ Кронштадтъ, если бы не помогъ опять-таки случай, напомнившій мнѣ объ о. Іоаннѣ.

— Чтобы не откладывать, поѣду въ Кронштадтъ завтра же, — рѣшилъ я. Мой двоюродный братъ, Василій Александровичъ Карамзинъ, жившій по зимамъ съ нами въ качествѣ студента нашего университета, выразилъ желаніе мнѣ сопутствовать. Мы были очень дружны и понимали другъ друга съ полуслова. И на сей разъ я сразу понялъ мотивъ, имъ руководившій въ данномъ случаѣ: мы всѣ знали наизусть Лѣскова и всѣ знали его «Полунощниковъ».

Пароходъ изъ Ораніебаума доставилъ насъ въ Кронштадтъ на другой день подъ вечеръ. Стояла поздняя осень съ утренниками, бурями и туманами на заливѣ. Мы продрогли порядочно. Кронштадта мы не знали. Знакомыхъ тамъ у насъ не было. Нужно было гдѣ-нибудь переночевать, и мы обратились къ случайному прохожему, прося указать намъ гостиницу. Прохожій — человѣкъ въ сильно поношенномъ пальто и самой скромной наружности — посмотрѣлъ на насъ, нарядныхъ студентовъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. — Да, вы, господа, откуда? — Изъ Петербурга? — И Кронштадта не знаете. Да, ужъ не къ батюшкѣ ли, о. Іоанну? Въ такомъ случаѣ, пожалуйте! Онъ отвелъ насъ куда-то неподалеку.

*) Окончаніе.

— Страннопріимный домъ для лицъ, къ батюшкѣ пріѣзжающихъ, — указалъ онъ намъ на вполнѣ приличный подъѣздъ. — Вамъ здѣсь покойно будетъ, да и къ собору близко, если вздумаете побывать за ранней... Мы поблагодарили за любезность и начали подыматься по достаточно широкой и благоустроенной лѣстницѣ.

На площадкѣ насъ встрѣтила завѣдующая домомъ, пожилая, привѣтливая женщина. Она отвела намъ просторную комнату, съ высокимъ потолкомъ и хорошими кроватями; напоила чаемъ и пообѣщала разбудить насъ пораньше, чтобы не прозѣвать обѣдню. «Кстати вы пожаловали», говорила она, — Какъ разъ батюшка служить будетъ. И позвольте присовѣтовать: если вы къ о. Іоанну съ просьбой — говорите прямо, съ чѣмъ пріѣхали, не затягивайте разговора. Устаетъ о. Іоаннъ: народу у него каждый разъ множество...

— Да намъ, говоримъ, ничего и не надо. Пріѣхали поблагодарить батюшку и благословиться.

— Не стѣсняйтесь, улыбнулась женщина, — говорите прямо... Батюшка студентамъ не отказываетъ...

Намъ стало смѣшно. Мы завѣрили завѣдующую, что посѣщеніе наше не имѣетъ подъ собой матеріальныхъ цѣлей.

— Да будетъ вамъ! Насмотрѣлись мы тутъ, господа, на вашего брата. Привыкли... этакъ же, вотъ... какъ и вы, франты... а платить за ученье нечѣмъ. Оно понятно...

Нашимъ увѣреніямъ въ противномъ она не повѣрила. — Ну, Богъ съ вами! Отдыхайте. Убирать комнату не трудитесь. А ужъ чаю я вамъ утромъ передъ обѣдней не дамъ: не полагается...

Было еще темно, когда мы вышли утромъ на улицу. Ударившій ночью морозъ сковалъ грязь и лужи. Тамъ и сямъ пробирались къ собору густыми группами стремившіеся попасть къ ранней. Къ нашему приходу соборъ былъ уже полонъ молящимися. Публика была самая разнообразная. Какъ когда-то въ Москвѣ, привычнымъ взглядомъ мы сразу отмѣтили тѣснившуюся поближе къ солеѣ группу близкихъ батюшкѣ людей и постоянныхъ посѣтителей храма. Не желая проталкиваться сквозь густые ряды впереди стоявшихъ, мы помѣстились сравнительно недалеко отъ входа. Наши студенческія пальто привлекали нѣкоторое, не всегда благосклонное вниманіе. Чувствовалось, что здѣсь къ студенчеству расположенія было мало. Намъ пришла въ голову затруднительность нашего положенія: какъ и гдѣ мы сумѣемъ обратиться къ о. Іоанну? Какъ намъ поставить его въ извѣстность о нашемъ желаніи его увидѣть поближе? Занятые такими соображеніями, мы службу слушали довольно разсѣяно, но съ великимъ вниманіемъ слѣди-

ли за священнодѣйствіемъ самого о. Іоанна. Онъ служилъ не одинъ. Съ нимъ сослужило нѣсколько священниковъ, пріѣхавшихъ издалека. Самъ о. Іоаннъ двигался быстро. Жесты его были рѣзки и просты. Голосъ звучалъ громко; рѣзко и отчетливо, чрезвычайно членораздѣльно неслось по храму каждое слово. Слова молитвы въ устахъ о. Іоанна звучали напряженіемъ. Казалось, что онъ служилъ для самаго себя, забывая все окружающее. За разстояніемъ ликъ его былъ видѣнъ плохо, но въ движеніяхъ и манерѣ сквозила какъ бы нѣкая непреклонная требовательность. Служба о. Іоанна не возбуждала умиленія, но неудержимо увлекала своей устремленностью. Разсѣянія нашего какъ не бывало.

За большимъ выходомъ мы были отвлечены отъ нашего созерцанія нѣкимъ небольшого роста, одѣтымъ въ хорошій сюртукъ, господиномъ, съ сѣдѣющей бородкой и гладко зачесанными назадъ довольно длинными волосами. Онъ былъ замѣтно хромъ. — О. Іоаннъ, господа, приказалъ провести васъ къ нему въ алтарь, — сказалъ онъ негромко. — Пожалуйте! Мы удивленно переглянулись и замѣтили, что окружающіе насъ тоже удивлены были не мало. Одни посмотрѣли въ нашу сторону съ нескрываемымъ любопытствомъ, другіе съ явно сквозившимъ злорадствомъ: вотъ, молъ, будетъ вамъ, студентамъ, на орѣхи отъ батюшки!

Господинъ оказался старостой Андреевскаго собора. Прихрамывая и раздвигая народъ, онъ провелъ насъ въ лѣвый придѣлъ и поставилъ у прохода, соединявшаго малый алтарь съ главнымъ. Кромѣ насъ двоихъ, въ алтарѣ никого не было. Мы съ Карамзинымъ недоумѣнно переглядывались и, прислушиваясь къ доносившемуся пѣнію, предавались гаданію, какъ и почему подумалъ о насъ о. Іоаннъ?

Причастниковъ было много. О. Іоаннъ освободился не скоро. Наконецъ, онъ вошелъ обратно въ алтарь, поставилъ Св. Чашу на престолъ и быстрыми шагами направился къ намъ. —Постойте еще немного, — заговорилъ онъ торопливо, — я скоро къ вамъ выйду. Пока что, выпейте теплоты и поѣшьте просфорку.

— Да, мы, Батюшка, не пріобщались!

Отецъ Іоаннъ настойчиво повторилъ свое приказаніе: — Поѣшьте, какъ слѣдуетъ!

Появившійся откуда-то хромой староста поставилъ въ сторонкѣ большой мѣдный кувшинъ съ теплотой и блюдо съ нарѣзанными просфорами. Стѣсняясь «ѣсть» въ алтарѣ, мы отпили немного теплоты и взяли по кусочку просфоры. — Нѣтъ, это не годится, — сказалъ староста. — О. Іоаннъ приказалъ вамъ поѣсть, какъ слѣдуетъ. Онъ налилъ намъ по большому ковшичку и, къ смущенію нашему, заставилъ насъ ѣсть полнымъ ртомъ.

Подкрѣпившись, мы стали на прежнее мѣсто. О. Іоаннъ отпускалъ молящихся. Вскорѣ онъ передалъ крестъ другому священнику и прошелъ прямо къ намъ. Мы попросили благословенія. — Хорошо, что пожаловали . . . хорошо, — похвалилъ о. Іоаннъ, благословляя насъ обоихъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и не далъ мнѣ сказать слова. — Здоровъ? Слава Богу! Пріѣхалъ? Очень радъ . . . Чего просишь у Бога? Внезапность неожиданнаго вопроса на мгновеніе поставила меня втупикъ. — Слава Богу, — говорю, — Батюшка, за все . . . а прошу не посылать непосильнаго и послать силъ и крѣпости, чтобы справиться со всѣмъ, что Онъ дальше пошлетъ . . .

О. Іоаннъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Не смотря на то, что было совершенно ясно, что онъ видитъ меня насквозь, я смущенія не испытывалъ.

— Хорошо! похвалилъ о. Іоаннъ. Благодари Бога, что Онъ тебѣ послалъ такихъ отца съ матерью... Ваши матери — сестры? — посмотрѣлъ онъ на Карамзина. Я все-таки пытался что-то сказать о своей благодарности.

— Знаю! Знаю . . . Это хорошо . . . но, не надо . . . и отошелъ къ Карамзину.

Разговора ихъ я не слышалъ, но хорошо видѣлъ весело-смущенное лицо Карамзина, что-то подтверждавшаго батюшкѣ. О. Іоаннъ говорилъ весело и сильно жестикулировалъ. Подъемъ духа и силъ, охватившій его за службой, не простылъ ,и признаковъ усталости не было замѣтно.

— Ну, вотъ и хорошо! . . . Повидались. Ступайте, приложитесь ко кресту! . . Да, не спѣшите. Успѣете . . . и домой торопиться незачѣмъ. Отъ креста ко мнѣ. Гости будете . . .

— Да, Батюшка, Вы устали . . .

— Нѣтъ, нѣтъ! Непремѣнно . . .

Выйдя изъ храма, мы стали, было, разсуждать съ Карамзинымъ, слѣдуетъ ли воспользоваться батюшкинымъ приглашеніемъ, или лучше, его не безпокоя, уѣхать въ Петербургъ? Услышавшій нашъ разговоръ староста чрезвычайно удивился. — Да, что вы, господа? Какъ это можно? Разъ батюшка велѣлъ, — о чемъ тутъ разговаривать? Не знаете, гдѣ живетъ о. Іоаннъ? Идите вотъ за ними, — указалъ онъ на порядочную группу шедшую впереди, — они тоже туда же . . .

По пути насъ обогналъ ѣхавшій на извозчикѣ о. Іоаннъ. Онъ былъ въ большой шубѣ и мѣховой шапкѣ, и въ этомъ одѣяніи показался мнѣ маленькимъ и тщедушнымъ. Во всей позѣ его сквозила взявшая свое усталость. Шуба какъ бы оттягивала ему плечи. Больше всего остались у меня въ памяти его глаза, цвѣта которыхъ

я даже не умѣю описать. Глаза о. Іоанна сіяли необыкновеннымъ блескомъ и живостью. Казалось, что они обнимаютъ такъ много и видятъ такъ далеко, что становилось понятнымъ, что человѣку этому все и вся ясно, какъ на ладони.

У его подъѣзда мы наткнулись на большую толпу. Въ настежь распахнутыя двойныя двери вереницей поднимались по крутой, деревянной лѣстницѣ стремившіеся видѣть о. Іоанна. Имъ навстрѣчу спускался потокъ у него уже побывавшихъ. У многихъ лица были радостныя и сіяли восторгомъ. Иные плакали, другіе шли, опустивъ головы, въ глубокой задумчивости. Женщинъ было не много.

Помѣщеніе во второмъ этажѣ, занимаемое о. Іоанномъ, у меня плохо запечатлѣлось въ памяти. Изъ небольшой прихожей потокомъ слѣдовавшіе люди вливались въ довольно свѣтлую комнату и, раздѣваясь, проходили въ слѣдующую большую тоже, похожую

на гостиную. Двери въ квартиру стояли нараспашку. Съ лѣстницы несло холодомъ, и ноги стыли. Обстановка напоминала моментъ срѣтенія чудотворной иконы на дому, когда, бывало, такъ же широко были отворяемы двери для всѣхъ, желающихъ приложиться, и клубы морознаго воздуха врывались въ теплую квартиру. Не спѣша, въ порядкѣ очереди, мы вошли въ гостинную. Находившіеся тамъ стояли большимъ полукругомъ, спиной къ окнамъ. У противоположной стѣны, на диванѣ, сидѣлъ о. Іоаннъ, не снявшій шубы за напущеннымъ холодомъ. Шапка лежала возлѣ. На овальномъ столѣ краснаго дерева, ничѣмъ не покрытомъ, передъ нимъ стоялъ стаканъ крѣпкаго чаю. На двухъ ближайшихъ креслахъ къ о. Іоанну сидѣли какіе-то люди. Батюшка бесѣдовалъ съ ними въ полголоса. Люди смѣняли одинъ другого. Однихъ о. Іоаннъ отпускалъ быстро, другихъ задерживалъ.

Завидѣвъ наше появленіе, о. Іоаннъ приказалъ намъ сѣсть на кресла. Я пришелся ему съ лѣвой стороны. Карамзинъ помѣстился напротивъ меня, справа. Продолжая разговоръ съ другими, оставшимися передъ столомъ стоя, батюшка взялъ насъ за руки и приказалъ подать намъ чаю. Мы запротестовали, къ явному неодобренію предстоявшихъ. Было очень неловко сидѣть за стаканомъ на виду у всѣхъ, набившихся въ комнату посѣтителей. Мы хотѣли выпить свой чай наскоро, чтобы поскорѣй уступить мѣсто другимъ, но чай былъ горячъ и спѣшить не было возможности.

— Пейте! Пейте — оборачивался къ намъ о. Іоаннъ, продолжая отпускать притекавшихъ. На полусловѣ онъ вдругъ обратился ко мнѣ: — А, хорошо, что Вы любите Николая Семеновича . . . Великій былъ мастеръ слова. И весело и лукаво засмѣялся. Я немного устыдился, вспомнивъ мелькнувшую мысль о «Полунощникахъ». — Ничего! Ничего! — смѣялся о. Іоаннъ, — я и самъ Лѣскова люблю... И, обернувшись, сурово и какъ бы съ нетерпѣніемъ проводилъ какого-то пожилого мужчину, что-то говорившаго о неоднократности своихъ обращеній къ о. Іоанну.

Улучивъ минутку, мы поднялись и, не стѣсняясь больше, горячо благодарили о. Іоанна за его доброту и ласку. Принявъ благословеніе, мы облобызали благословлявшую насъ руку и въ сердечномъ веселіи покинули о. Іоанна, безъ словъ сумѣвшаго понять наши сокровенныя мысли и побужденія.

Петербургъ остается всегда Петербургомъ. При всей необычности пріема у о. Іоанна, никто не подалъ виду, что принятая имъ манера нѣсколько своеобразана. Подчеркнуто-выдѣлявшіяся на общемъ сѣромъ фонѣ толпившихся посѣтителей наши студенческія фигуры не вызывали признаковъ удивленія оказаннымъ намъ ба-

тюшкой вниманіемъ. Не смотря на то, что о. Іоаннъ бесѣдовалъ со всѣми достаточно громко, никто не позволилъ себѣ обнаружить хотя бы малую долю интереса къ чужому разговору. Ни перешептываній ,ни комментарій. Самоуглубленность и собственныя заботы дѣлали и безъ того выдержанныхъ петербуржцевъ совершенно-равнодушными ко всему, до нихъ непосредственно не касавшемуся . . . Экспансивная Москва реагировала бы иначе, не постѣснялась бы ни на выраженіе сочувствія, ни интереса. Тѣмъ болѣе, не воздержалась бы отъ распросовъ и истолкованія словъ и поступковъ любимаго батюшки.

Передъ отъѣздомъ мы зашли въ страннопріимный домъ, съ намѣреніемъ поблагодарить завѣдующую за гостепріимство и расплатиться. Увидавъ наши довольныя лица, завѣдующая сама расплылась въ улыбкѣ. — Повидали батюшку? Получили утѣшеніе? Радуюсь за васъ, господа! . . За ночлегъ? у насъ ничего не полагается. Поберегите, господа, деньги . . . Самимъ нужны будутъ . . . Мы настаивали. — Ну, ужъ если хотите, — положите сколько-нибудь въ кружку. Она у насъ въ корридорѣ виситъ . . . Мы стали прощаться: — Добрый у насъ батюшка, провожая, говорила намъ завѣдующая. — Студентамъ никогда не отказываетъ. Наградилъ-то онъ васъ достаточно!

Смѣясь, мы увѣряли ее, что пріѣзжали не за «награжденіемъ». Добрая душа такъ и не повѣрила нашимъ увѣреніямъ. — Богъ съ вами! Какіе вы, право, господа, скрытные . . .

Давній опытъ, очевидно, прочно закрѣпилъ славу студенчества, посѣщавшаго отца Іоанна.

Останки о. Іоанна нашли себѣ покой въ Петербургѣ, въ церкви созданнаго имъ при жизни женскаго монастыря, что на Карповкѣ, влѣво отъ Каменноостровскаго проспекта. Боковой своей частью обитель упиралась во владѣніе семьи Гротовъ, представлявшее тогда среди Петербурга совершенно деревенскій уголокъ, съ громаднымъ тѣнистымъ садомъ и виднѣвшимся за деревьями господскимъ домомъ. Берегъ Карповки во всю длину участка тонулъ въ густыхъ заросляхъ ивняка, свѣсившаго свои вѣтви въ тихія воды этой рѣчки.

Могила о. Іоанна помѣщалась въ б. склепѣ, подъ храмомъ монастыря, превращенномъ въ часовню. Гладкая, большая, достаточно высокая мраморная плита указывала ея мѣсто. Часовня была отдѣлана мраморомъ тоже и украшена многочисленными иконами. Вездѣ горѣли лампады, а въ возглавіи надгробія помѣщался огромный мѣдный подсвѣчникъ, неизмѣнно уставленный жарко горѣвшими свѣчами.

Часовня была открыта для желавшихъ навѣстить могилку о. Іоанна съ утра до ночи, и я не помню случая, чтобы она оставалась праздной.

Имѣвъ счастье видѣть и знать о. Іоанна, мнѣ не пришлось при его жизни соприкоснуться съ нимъ болѣе тѣснымъ образомъ. По смерти не было ничего на свѣтѣ болѣе близкаго его могилки. Какъ многіе и многіе, и я самъ, и семьи наши, и присные шли мы на Карповку со всѣми нашими радостями и печалями, часто даже и безъ этихъ побужденій — изъ желанія подѣлиться съ батюшкой тѣмъ, что на душѣ было. И въ общеніи съ почившимъ всѣ мы находили и поддержку, и утѣшеніе и обрѣтали покой душевный. Мысленныя бесѣды съ о. Іоанномъ освѣжали душу; сами собой отпадали суетныя заботы, становились смѣшными и незначительными казавшіяся неодолимыми осложненія и ясенъ, прямъ и простъ становился путь, которому надлежало слѣдовать.

Бизерта. 1948 годъ.

В. Н. Звѣревъ.

* * *

У преподобнаго Серафима.

ЗА ГОДЪ ДО ЕГО КОНЧИНЫ.

Окончаніе.

Въ обратный къ монастырю путь мы шли уже одни, семьей своей, соображаясь съ усталой походкой бабушки, — матери моего отца. Съ нами былъ только Алексѣй Нефедовичъ, да длинный рядъ домочадцевъ тянулся на нѣкоторомъ разстояни позади. Толпы богомольцевъ уже вступали въ монастырскія ворота, когда мы все еще не выходили изъ широкаго прохладнаго просѣка, въ концѣ котораго виднѣлись вдалекѣ главы монастырскаго собора.

Отецъ тихо запѣлъ — что онъ всегда дѣлывалъ, когда былъ между своими, и ему было хорошо на душѣ, — запѣли, — какъ всегда и обѣ старшія сестры и братъ подростокъ своимъ своимъ ангельскимъ еще полудѣтскимъ голосомъ; подтягивалъ имъ глубокій теноръ Прокудина. Отдѣлившись отъ прочей прислуги, двинулись стороной Семенъ и Василій обычные басы нашихъ семейныхъ пѣсенъ и скромный, но стройный хоръ огласилъ высокіе своды

просѣка: «Тебѣ, поемъ. Тебя благословимъ, Тебя благодаримъ и молимся. Боже нашъ. Боже нашъ...» Звуки послѣдняго «Боже нашъ» еще замирали въ вышинѣ, когда мы тихо выступали на монастырскую поляну. А между тѣмъ кроткій обликъ лѣснаго старца невольно носился передъ глазами поющихъ. Сестренка моя, Лиза та самая, которую такъ обнималъ отецъ Серафимъ, называя ее сокровищемъ, сестренка моя крѣпко держалась за меня обѣими руками. При выходѣ изъ лѣсной темноты она сжала мою руку и, взглянувъ мнѣ вопросительно въ лицо, проговорила: «Вѣдь отецъ Серафимъ только кажется старичкомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ такое же дитя, какъ ты, да я. Не правда ли, Надя».

Много съ тѣхъ поръ въ продолженіи слѣдующихъ семидесяти лѣтъ моей жизни видала я и умныхъ и добрыхъ — и мудрыхъ глазъ, много видала и очей полныхъ горячей искренней привязанности, но никогда съ тѣхъ поръ не видала я такихъ дѣтски-ясныхъ, старчески прекрасныхъ глазъ, какъ тѣ, которые въ это утро такъ умильно смотрѣли на насъ изъ за высокихъ стеблей лѣсной травы. Въ нихъ было цѣлое откровеніе любви...

Улыбку же, покрывавшую это морщинистое изнуренное лицо могу сравнить развѣ только съ улыбкой спящаго новорожденнаго, когда, по словамъ нянекъ, его еще тѣшатъ во снѣ недавніе товарищи — ангелы.

На всю жизнь памятны остались мнѣ саженки мелкихъ дровъ въ перемежку съ копнами сѣна, видѣнныя мною въ раннемъ дѣтствѣ моемъ на лѣсной прогалинкѣ, среди дремучаго лѣса посреди гигантскихъ сосенъ, какъ будто сторожившихъ этотъ бѣдный, непосильный трудъ хилаго тѣломъ, но сильнаго Божіей помощью отшельника.

Съ ранняго утра слѣдующаго дня отецъ Серафимъ, согласно своему обѣщанію, оказался уже въ монастырѣ.

Насъ паломниковъ онъ встрѣтилъ, какъ радушный домохозяинъ встрѣчаетъ приглашенныхъ имъ гостей, въ открытыхъ дверяхъ внутренней своей кельи. Пребыванія въ пустынѣ не видно было на немъ и слѣда: желтовато-сѣдые волосы были гладко причесаны, въ глубокихъ морщинахъ не замѣтно было крови отъ укушенія лѣсныхъ комаровъ; бѣлоснѣжная полотняная рубаха замѣняла заношенную сермягу; вся его особа была какъ-бы выраженіемъ словъ Спасителя: «Когда постишься, помажь главу твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не передъ людьми, но передъ Отцомъ твоимъ, Который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно». Лицо отшельника было радостное, келья была заставлена мѣшками, набитыми сухарями изъ просфоръ. Свободнымъ оста-

валось только мѣсто передъ иконами для колѣнопреклоненія и молитвы. Рядомъ со старымъ монахомъ стоялъ такой же мѣшокъ съ сухарями, но открытый. Отецъ Серафимъ раздавалъ изъ него по пригоршнѣ каждому подходящему къ нему паломнику, приговаривая: «кушайте, кушайте свѣтики мои. Видите какое у насъ тутъ обиліе». Покончивъ съ этой раздачей и благословивъ послѣдняго подходящаго, старикъ отступилъ полшага назадъ и поклонившись глубоко на обѣ стороны промолвилъ: «Простите мнѣ, отцы и братья въ чемъ согрѣшилъ противъ васъ словомъ, дѣломъ или помышленіемъ» (о. Серафимъ шелъ этотъ вечеръ на исповѣдь у общаго для всѣхъ монастырскаго духовника). Затѣмъ онъ выпрямился и осѣнивъ всѣхъ присутствующихъ широкимъ іерейскимъ крестомъ, прибавилъ торжественно; «Господь да проститъ и помилуетъ всѣхъ васъ».

Такъ закончилось наше второе свиданіе съ Преподобнымъ Старцемъ. Какъ мы провели остатокъ этого дня не помню, но за то тѣмъ болѣе ярко сохранился въ моей памяти третій и послѣдній день нашего пребыванія въ Саровской пустыни.

Исповѣдавшись, какъ я говорила, наканунѣ, отецъ Серафимъ въ этотъ день служилъ какъ іерей, обѣдню въ небольшой церкви. Размѣръ ея позволялъ только немногимъ изъ паломниковъ присутствовать при богослуженіи.

Вспомнивъ объ насъ, непопавшихъ въ храмъ, Преподобный выслалъ послушника сказать, что онъ выйдетъ къ намъ съ крестомъ послѣ богослуженія.

Всѣ мы, богатые и бѣдные ожидали его, толпясь около церковной паперти. Когда онъ показался въ церковныхъ дверяхъ, глаза всѣхъ были устремлены на него. На этотъ разъ былъ онъ въ полномъ монашескомъ облаченіи и въ служебной эпитрахили. Высокій лобъ его и всѣ черты его подвижаго лица сіяли радостью человѣка, достойно вкусившаго Тѣла и Крови Христовыхъ; въ глазахъ его, большихъ и голубыхъ, горѣлъ блескъ ума и мысли. Онъ медленно сходилъ со ступеней паперти и несмотря на прихрамываніе и горбъ на плечѣ, казался и былъ величаво прекрасенъ.

Впереди всей нашей толпы оказался въ это время знакомый нѣмецкій студентъ, только что пріѣхавшій къ намъ изъ Дерпта. Его рослая, красивая фигура и любопытство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на то, что ему казалось русской странной церемоніей, не могли не привлечь вниманіе отшельника и онъ ему первому подалъ крестъ. Книримъ — такъ звали молодого нѣмца — не понимая, что отъ него требуется, схватился за крестъ рукою и притомъ рукою въ черной перчаткѣ.

«Перчатка», укоризненно замѣтилъ старецъ.

Нѣмецъ-же, только окончательно сконфузился. Отецъ Серафимъ отступилъ тогда шага на два назадъ и заговорилъ:

— А знаете-ли вы что такое крестъ. Понимаете-ли вы значеніе креста Господня — и краснорѣчивымъ потокомъ полилась звучная, стройная рѣчь изъ устъ вдохновеннаго монаха...

Ежели-бы и доставало у меня памяти, чтобы сохранить за всѣ эти годы слова отшельника, то и тогда не могла бы я занести импровизированную эту проповѣдь въ свои воспоминанія. Я въ то время не была въ состояніи уразумѣть ее. Въ то время мнѣ не могло быть болѣе — девяти лѣтъ.

Но что могло тогда понимать, видѣть и слышать дитя, того не изгладили изъ памяти моей десятки годовъ прожитой съ тѣхъ поръ жизни. Не забыть мнѣ этого яснаго взора, вдохновеннаго въ эту минуту мудростью свыше, не забыть внезапно преобразившагося лица дровосѣка Муромскихъ лѣсовъ. Живо помню звуки голоса, говорившаго «какъ власть имѣющій» малому стаду, собравшихся въ Саровѣ, богомольцевъ. Помню сочувственный блескъ въ черныхъ очахъ Прокудина, — помню старую бабку свою, смиренно стоявшую передъ отшельникомъ, «аки губа напоемая». Помню юношескій восторгъ, разгоравшійся въ глазахъ меньшаго дяди. Его замѣтилъ проповѣдникъ и слегка нагнувшись къ дядѣ сказалъ: «Есть у тебя деньги?» Дядя бросился было разыскивать въ карманахъ бумажникъ. Но отшельникъ остановилъ его тихимъ движеніемъ руки: «Нѣтъ, не теперь, сказалъ онъ. «Раздавай всегда, — вездѣ». И съ этими словами протянулъ къ нему первому крестъ.

И покойный дядя мой, не «отошелъ скорбя», какъ это было съ богатымъ юношей въ Писаніи...

Мы торопились выѣхать въ обратный путь. Запоздали мы немного, и намъ не пришлось выбраться засвѣтло изъ окраины сыпучихъ песковъ огибающихъ все еще страшный по слухамъ дремучій Саровскій боръ. Пѣшіе паломники, между которыми, какъ всегда, было много хилыхъ, слабыхъ отъ старости, женщинъ и дѣтей, уже ушли впередъ. На монастырскомъ дворѣ то и дѣло слышался грохотъ отъѣзжавшихъ экипажей болѣе состоятельныхъ богомольцевъ.

И наши лошади стояли уже у крыльца гостинницы. Сытые кони наши били о земь копытами, поторапливая своимъ нетерпѣніемъ прислугу, разносившую по экипажамъ дорожную нашу кладь. Къ Александру Нефедовичу, ѣхавшему верхомъ и заносившему уже ногу въ стремя, подошелъ старый монастырскій служка. «Еще утресь, сказалъ онъ, отецъ Серафимъ, выходя изъ церкви изволилъ шеп-

нуть мнѣ мимоходомъ свой наказъ, чтобы вы, Алексѣй Нефедовичъ не отъѣзжали вечеромъ, неповидавшись съ нимъ еще разъ».

«Проститься хочетъ старый другъ, отецъ мой духовный», замѣтилъ на это Прокудинъ и, оборотившись къ намъ промолвилъ: «Идите за мной и вы всѣ».

И вотъ вся семья наша съ отставнымъ гусаромъ во главѣ, снова потянулась по длиннымъ корридорамъ монастырскаго корпуса.

Дверь въ прихожую отшельника была открыта настежъ какъ бы приглашавшая войти. Мы размѣстились, молча вдоль стѣны длинной и узкой комнаты, насупротивъ дверей внутренней кельи.

Послѣдній, замиравшій лучъ заходившаго солнца падалъ на выдолбенный изъ дубового кряжа, гробъ, уже десятками лѣтъ стоявшій тутъ въ углу на двухъ поперечныхъ скамьяхъ. Прислоненная къ стѣнѣ, стояла на готовѣ и гробовая крышка...

Дверь кельи беззвучно и медленно отворилась. Неслышными шагами подошелъ старецъ къ гробу. Блѣдно было его безкровное теперь лицо, глаза смотрѣли куда-то вдаль, какъ будто сосредоточенно вглядываясь во что-то невидимое, занявшее всю душу, весь внутренній строй человѣка. Въ рукѣ его дрожало пламя поверхъ пучка зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Налѣпивъ четыре свѣчи на окраинахъ гроба, онъ поманилъ къ себѣ Прокудина и затѣмъ пристально и грустно глянулъ ему въ глаза. Перекрестивъ дубовый гробъ широкимъ пастырскимъ крестомъ, онъ, глухо, но торжественно проговорилъ: «въ Покровъ».

Слово Святого Старца было понято какъ самымъ Прокудинымъ, такъ и окружающими какъ предсказаніе его, Прокудина, кончины. Подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ этого предсказанія покинули мы Саровскую обитель.

Болѣе не довелось мнѣ въ жизни видѣть Преподобнаго Серафима. Чуть ли не въ слѣдующемъ (1833) году иноки нашли его въ своей кельи усопшимъ на колѣняхъ во время молитвы.

Но, конечно, въ семьѣ нашей не было долго конца разговорамъ объ обаятельной личности великаго подвижника и мирнаго апостола труда, а нынѣ прославляемаго церковью Чудотворца.

Мнѣ остается разсказать, какъ сбылось слышанное мною прорицаніе батюшки отца Серафима, а сбылось оно въ томъ же году.

Наступилъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Что сдѣлалось въ этотъ день съ нашимъ Нижнимъ, всегда такимъ спокойнымъ, когда съ него сбываетъ ярмарочная суматоха и онъ засыпаетъ на всю зиму, какъ бы мертвымъ сномъ. Четверня за четверней несется мимо нашего дома на концѣ Малой Покровки. Кажется всякій, имѣющій экипажъ, далъ себѣ слово проѣхаться по этой

улицѣ, поворотить на право и остановиться передъ большимъ бѣлымъ домомъ баронессы Моренгеймъ. Здѣсь въ эту зиму квартировалъ А. Н. Прокудинъ. Онъ сегодня пріобщался Св. Таинъ и «весь городъ»—ѣхать сюда, чтобы его поздравить. И наши всѣ старшіе отправились туда же. Лошадей, разумѣется, не запрягали, такъ какъ изъ оконъ нашей гостинной видны были наискось окна дома Моренгеймъ. Насъ меньшихъ, меня и сестренку, оставили подъ охраной мадамъ Оливейра, старушки испанки, которую Прокудинъ отыскалъ гдѣ-то въ трущебахъ Москвы умирающей отъ голода и нужды и привезъ въ домъ моей матери, чтобы она ее выходила и откормила, пока священникъ, отецъ Павелъ будетъ ее обучать догматамъ и обрядамъ нашей вѣры.

Пламеннымъ желаніемъ Испанки было уже теперь постричься въ монахини въ лежащій неподалеку Дѣвичій монастырь. Сидя въ этотъ памятный день съ нами, дѣвочками, и работая свое нескончаемое, штучное одѣяло, бѣдная иностранка посматривала на свои дряхлыя, худыя ручки и вздыхала, думая, вѣроятно, когда то онѣ пополнѣютъ. Но вотъ, тщательно сложивъ свою работу, она сказала-:

«Не пойти ли намъ тоже съ вами прогуляться до дома Моренгейма. Въ домъ мы съ вами, разумѣется не войдемъ, но мы можемъ уловить минуту, когда мой благодѣтель выйдетъ на балконъ, чтобы поклониться ему и поздравить его». Мы собрались въ одну минуту и, завернувъ за уголъ, стали медленно прохаживаться передъ домомъ, гдѣ уже гуляли другія дѣти, кто съ гувернанткой, а кто и съ нянькой.

На колокольнѣ ближней церкви пробило 2 часа. Стеклянная дверь на балконѣ Моренгейма зашевелилась, но когда она открылась, то изъ нея вышелъ не хозяинъ дома, а только общій всему Нижнему врачъ и другъ Линдегринъ. Робко подошла къ рѣшеткѣ Испанка, спрашивая: «Что нашъ Прокудинъ». «Что Вашъ Прокудинъ?» отвѣтилъ докторъ: «онъ здоровѣе всѣхъ насъ и, вѣроятно, доживетъ до ста лѣтъ. Теперь прохаживается себѣ по комнатамъ своимъ бодрымъ шагомъ, угощая своихъ гостей разсказами о дѣлѣ Спасителя на землѣ и такъ разсказываетъ, что всякому кажется будто-бы онъ слышитъ это въ первый разъ. Желая совершенно убѣдиться въ его здоровьи, я выдумалъ какой то глупый анекдотъ, гдѣ, приходилось щупать пульсъ у каждаго изъ гостей. Я пощупалъ пульсъ у толстаго господина Смирнова и у старой мадамъ Погуляевой ,и пульсъ того, который, по предсказанію, долженъ былъ скончаться въ этотъ день оказался ровнѣе и крѣпче всѣхъ. Извольте послѣ этого вѣрить предсказанію». И добрый нѣмецъ, повернувшись на одной ножкѣ, почтительно поклонился

Испанкѣ, послалъ каждой изъ насъ по воздушному поцѣлую и ушелъ обратно за стеклянную дверь.

На колокольнѣ пробило половина третьяго. Вдругъ стеклянная дверь на верху распахнулась и сбѣжалъ опрометью по ступенямъ блѣдный, какъ смерть, лакей, онъ кричалъ: «Умираетъ, меня послали за духовникомъ». Но какъ ни близка была церковь и какъ ни спѣшилъ отецъ Павелъ, все же ему пришлось дочитать отходную надъ усопшимъ, надъ холодѣющимъ уже трупомъ того, кого бѣдные и богатые называли другомъ нищихъ и убогихъ. Умирая онъ опустился на кресло, прильнувъ головой къ его высокой спинкѣ. Правильныя благородныя черты отставного гусара были совершенно спокойны. Казалось, это младенецъ, тихо уснувшій на коняхъ матери.

«Преставился», громко сказалъ сѣдовласый пономарь, стоявшій съ кадиломъ въ рукахъ.

«Да» прибавилъ священникъ, утирая крупную слезу со щеки: «И теперь онъ тамъ откуда же отбѣже и печаль и болѣзнь и воздыханіе». Врачи не обнаружили въ скончавшемся никакой болѣзни и не отыскали никакихъ признаковъ приближающейся смерти. Можетъ статься въ Нижнемъ или въ окрестностяхъ Сарова найдется кто либо, еще помнящій смерть Прокудина, этого человѣка горячо любившаго Бога и ближнихъ. Онъ, вѣроятно, подтвердитъ мои воспоминанія. — Помнятъ-ли въ Саровѣ или нѣтъ прорицательное слово, сказанное отшельникомъ своему другу и ученику, въ виду издавна приготовленнаго имъ для себя гроба. — Не знаю. Во всякомъ случаѣ оно сбылось.

Надежда Аксакова.

Изъ наставленій преп. Серафима.

Богъ есть огонь согрѣвающій и воспламеняющій сердца и утробы. Итакъ, если мы ощутимъ въ сердцахъ холодъ, который отъ діавола, то призовемъ Господа. Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ. И отъ лица теплоты убѣжитъ хладъ доброненавистника.

Отцы писали, когда ихъ спрашивали: «ищи Господа, но не испытуй, гдѣ Онъ живетъ».

Гдѣ Богъ — нѣтъ тамъ зла. Все происходящее отъ Бога мирно, полезно и приводитъ человѣка къ самоосужденію и смиренію.

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

ЛАНДЫШИ.

Я хочу разсказать объ одной встрѣчѣ. Быть можетъ, я бы и не вспомнила о ней . . . но вотъ я нашла рисунокъ. Его рисовалъ девятилѣтній мальчикъ, Алеша Родіоновъ. И вотъ, что я вспомнила.

Это было еще въ Петербургѣ, весной! Кое-гдѣ, на углахъ крыши и на тротуарахъ, лежалъ еще снѣгъ ,но солнце по-весеннему пригрѣвало, и въ воздухѣ былъ разлитъ тотъ особенный весенній ароматъ, который свойственъ только нашей родной сѣверной веснѣ. Куда-то манитъ этотъ ароматъ, въ какія-то невѣдомыя дали... Надеждами полна бываетъ душа, уводящими отъ тоскливой жизни... Ими была полна и моя душа въ этотъ яркій петербургскій весенній день, когда я очутилась на углу Невскаго и Садовой. Множество ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, стояли и бѣгали по Невскому, предлагая прохожимъ букетики подснѣжниковъ, фіалокъ, ландышей. То и дѣло слышалось: «купите ландыши! купите фіалки! Недорого продамъ . . .» Я молча, одиноко, шла въ огромной куда-то мчавшейся толпѣ нарядно одѣтыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. На душѣ стало тяжело. Ликующая весна такъ не соотвѣтствовала душевной боли, которая сжимала сердце . . . — Купите ландыши, — вдругъ услышала я позади себя тихій дѣтскій голосъ. Я невольно обернулась, услыхавъ этотъ робкій надтреснутый голосокъ. Передо мной стоялъ мальчикъ лѣтъ восьми-девяти. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно и дрожалъ мелкой дрожью. Видимо, онъ давно безу-

спѣшно стоялъ здѣсь и продрогъ, предлагая проходящимъ свой единственный букетикъ полуувядшихъ цвѣтовъ. Ландыши уже наклонили свои головки и испускали послѣдній предсмертный ароматъ...

Видя, что я смотрю на его букетикъ, мальчикъ обратился еще разъ ко мнѣ: — Вы купите мои цвѣточки? Они немного завяли, но въ водѣ они быстро отойдутъ... Въ его большихъ синихъ глазахъ была и надежда и тревога...

— Хорошо, я покупаю твои цвѣты; а что они стоятъ? — спросила я. Онъ на мгновеніе задумался.

— А я не знаю — сказалъ онъ — мнѣ на лекарство мамѣ нужно...

— Ахъ, вотъ какъ! Мама больна?

— Да, сказалъ онъ со вздохомъ. Докторъ велѣлъ купить лѣкарство, а денегъ нѣтъ; вотъ я и рѣшилъ продать этотъ букетикъ. Такъ вы, значитъ, его покупаете? — переспросилъ ребенокъ съ какимъ-то недовѣріемъ. Жестокость и тяжесть жизни уже явно коснулись души его.

— Да, я его покупаю... Вотъ деньги! — и я высыпала въ его худенькую рученку имѣющуюся у меня мелочь.

— О, какъ много! — воскликнулъ мальчикъ, — этого хватитъ на лекарство! — и съ засіявшими глазами онъ хотѣлъ уже убѣжать.

— Постой, какъ звать тебя?

— Алешей. Онъ снова хотѣлъ убѣжать.

— Постой, Алеша, сказала я. — и точно яркій лучъ освѣтилъ мою темную душу... Постой! Хочешь пойдемъ вмѣстѣ къ твоей мамѣ, я бы хотѣла помочь ей...

Ребенокъ изумленно взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Внезапно его лицо стало довѣрчивымъ и роднымъ.

— Хорошо, сказалъ онъ просто, идемъ къ намъ! Онъ подалъ мнѣ свою ручку, и мы пошли. — Мы шли долго. По дорогѣ Алеша купилъ лекарство, булку и сахаръ своей мамѣ и разсказалъ мнѣ, что они уже годъ, какъ пріѣхали, изъ Одессы. Маму зовутъ Анна Семеновна; она учитъ дѣтей (даетъ грошевые уроки — и тѣмъ содержитъ себя и сына — поняла я изъ его словъ).

Наконецъ, мы пришли. Жилъ Алеша съ матерью гдѣ-то на задворкахъ, въ подвалѣ огромнаго петер-

бургскаго дома-колодца, гдѣ ютилось такъ много бѣдноты. Мы вошли въ подвалъ, и вотъ что увидѣла я. Всѣ четыре стѣны и потолокъ были покрыты плѣсенью. Единственною мебелью была кровать, на которой лежала Анна Семеновна. Возлѣ нея стоялъ перевернутый ящикъ, служившій столомъ; на немъ — кружка съ холодной водой и кусокъ засохшаго хлѣба. Въ углу стояла не топившаяся печка, рядомъ съ ящикомъ трехногая табуретка, ... Алеша бросился къ матери ...

— Мама, мамочка, вотъ лекарство, а вотъ булочка и сахаръ ... Я не съѣлъ ее, я принесъ тебѣ. Ты выпьешь лекарство и поправишься, да, мама?

Анна Семеновна обернулась къ сыну. Это была женщина лѣтъ 30-ти. Лицо ея было строго и скорбно. Болѣзнь и нравственныя страданія измучили эту красивую женщину, лицо которой такъ напоминало чудное личико сына. Говорить ей было трудно ...

— Алеша, — сказала она тихимъ груднымъ голосомъ — а откуда же ты взялъ деньги?

— Я продалъ мои цвѣты; вотъ эта тетя ихъ купила — сказалъ гордо Алеша. Я подошла къ больной.

— Анна Семеновна, —сказала я, я познакомилась съ вашимъ сыномъ и пришла помочь вамъ, чѣмъ могу. — Помочь намъ? — сказала Анна Семеновна. Безнадежность была въ ея голосѣ. — Развѣ это возможно? Мы съ моимъ Алешей — обреченные. Пока я была здорова, мы кое-какъ жили, а теперь! ... Выхода нѣтъ. — Если я умру, что будетъ съ моимъ сыномъ?

— Вамъ необходимо, какъ можно скорѣй ѣхать въ больницу! — Въ больницу, говорите вы? Да, это же сказалъ вчера и врачъ ... Но куда я дѣну своего Алешу? Въ пріютъ? Только не туда! Я знаю, что такое эти пріюты ... Ужъ лучше тутъ оба погибнемъ ... А Вамъ все же спасибо, что порадовали моего мальчика, — прибавила она и двѣ слезы медленно скатились по ея скорбному лицу.

— Боже мой, что же дѣлать? — подумала я. Какъ же быть съ мальчикомъ? ...

Вдругъ теплая волна залила мнѣ душу.

— Анна Семеновна, Алеша можетъ побыть у меня, пока Вы поправитесь, а тамъ видно будетъ, что дѣлать

дальше. Видя ея неувѣренность и колебаніе, я обратилась къ Алешѣ: — Ну что, Алеша, пойдешь ко мнѣ, пока мама не поправится?

Алеша, какъ взрослый, важно и спокойно сказалъ матери: — Мама, я пойду къ этой тетѣ, — и протянулъ мнѣ свою дѣтскую рученку. —

— Ну, вотъ и хорошо — сказала я, понявъ, что мать согласилась. А теперь я пойду за «скорой помощью», чтобы перевезти Васъ въ больницу. Не безпокойтесь за Алешу, мы будемъ каждый день посѣщать Васъ. — Но больная уже стала впадать въ забытье.

Наказавъ Алешѣ никуда не отлучаться до моего прихода, я быстро вышла изъ подвала — какая-то сила влекла меня къ быстрому дѣйствію. Я видѣла, что Аннѣ Семеновнѣ становилось все хуже. —Да, но куда же идти? — думала я, — совсѣмъ неопытная въ этихъ вопросахъ. На моемъ пути была аптека. Я зашла туда и обратилась съ просьбой къ аптекарю, чтобы онъ по телефону вызвалъ «скорую помощь». Онъ неохотно исполнилъ мою просьбу, говоря, что это собственно не его дѣло. Ему отвѣтили, что «скорая помощь» — въ разъѣздѣ и неизвѣстно, когда будетъ. Не сказавъ больше ни слова, аптекарь, нахмуривъ брови, принялся за свое дѣло. Неудача меня немного обезкуражила. Нѣтъ, — рѣшила я — главное, — энергія и вѣра! Господь поможетъ!

Я помчалась въ трамваѣ къ нашему домашнему врачу, Ивану Петровичу Раздольцеву, жившему въ Галерной гавани. — Скорѣе, только бы, скорѣе, — подгоняла я себя, вспоминая Алешу и его мать. На мой нетерпѣливый звонокъ у дома доктора мнѣ открыла дверь его жена, которая меня немного знала. На ея вопросительный взглядъ — я стала торопливо разсказывать объ Алешѣ и его матери.

— Ахъ, господа, — сказала она, —вотъ вы всѣ такіе, вамъ всегда «вынь да положь»; вѣдь и врачъ, поймите, — только человѣкъ; вѣдь и ему нуженъ отдыхъ . . . Неужели Ваша больная не можетъ подождать до утра? Вѣдь это не экстренный случай! «Скорая помощь» едва справляется съ несчастными случаями въ нашемъ городѣ. Нѣтъ, положительно, это невозможно сдѣлать сего-

дня. Вѣдь Вамъ уже сказали объ этомъ въ аптекѣ — съ досадой прибавила она.

— Какъ, еще одну ночь должна провести эта женщина въ этой клоакѣ? — вскрикнула я — Да вѣдь она умретъ! Вы представить не можете ужаса, въ которомъ живутъ эти несчастные люди — мать и ребенокъ... Вѣдь и Вы — мать! Подумайте объ этомъ!

Непрошенныя слезы полились изъ моихъ глазъ. — Что-то дрогнуло въ лицѣ Елизаветы Николаевны.

— Ну, полно, — сказала она, подойдя ко мнѣ и беря меня за руку. Знаете что, пойдемте вмѣстѣ въ больницу къ мужу — это рядомъ — авось что-нибудь удастся сдѣлать. Я только крѣпко сжала ей руку. — Да постойте, прибавила она: я кое-что дамъ Вамъ для мальчика.

Она вынесла мнѣ костюмъ и пальто своего младшаго сына и съ виноватой улыбкой протянула мнѣ. Что-то ликующее запѣло у меня въ душѣ, разсѣялся душевный мракъ, такъ мучившій меня еще сегодня утромъ...

Черезъ четверть часа мы были въ больницѣ. Докторъ уже собирался уходить. При видѣ меня и жены усталое лицо его выразило изумленіе. — Мы на минутку къ тебѣ, — сказала ему жена. Тихимъ голосомъ наскоро разсказала она ему мою исторію. Лицо доктора потемнѣло.

— Ахъ, милые мои, вы требуете невозможнаго — почти разсердился онъ. — Поймите же! — и онъ строго черезъ очки взглянулъ на меня. — Во-первыхъ, какъ Вамъ уже извѣстно, «скорая помощь» вся въ разъѣздѣ, а во-вторыхъ — у насъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста; вѣдь это, господа, надо, наконецъ, понять!

Я почувствовала, какъ почва ускользаетъ изъ подъ моихъ ногъ. — Матерь Божія, Милосердная, помоги — просила я Богородицу. Иванъ Петровичъ былъ непреклоненъ. — Что же дѣлать, Боже мой! —

Я взглянула въ глубину пріемной комнаты, тамъ возилась съ лекарствами старшая сестра, слышавшая нашъ споръ. Тихая, грустная ласка была въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ. Она подошла къ доктору. — Иванъ Петровичъ, негромко обратилась она къ нему — у насъ мѣста въ палатѣ, правда всѣ заняты, но завтра одна больная

выписывается, а сегодня, на одну ночь больную можно, въ видѣ исключенія, положить въ корридорѣ...

— Благодарю покорно, — воскликнулъ докторъ, а что намъ скажетъ главный врачъ при ночномъ обходѣ?

—Я это беру на себя, Иванъ Петровичъ, — сказала сестра, чуть улыбнувшись на досаду доктора.

— Да ну ужъ! — махнулъ рукой Иванъ Петровичъ. — Ладно, только не подведите съ врачебнымъ контролемъ. Но гдѣ же мы возьмемъ «скорую помощь»? — Но и тутъ дѣло чудеснымъ образомъ обошлось. Оказалось — въ хирургическое отдѣленіе только что доставленъ раненый — и автомобиль временно свободенъ. Всѣ мы: я, Елизавета Николаевна и сестра — ликовали. Докторъ добродушно махнулъ рукой. — Когда, наконецъ, я сидѣла въ автомобилѣ «скорой помощи», мчавшей меня къ Алешиному подвалу, какой я чувствовала себя счастливой и благодарной Богу и Божіей Матери! Моя тоска растаяла, какъ таютъ въ небѣ розовыя предвечернія облака.

Вотъ мы и у Алешинаго подвала. Алеша ждалъ меня и выбѣжалъ навстрѣчу. Онъ разсказалъ мнѣ, что мама ничего не ѣстъ, ни булки, ни сахару, — и все только стонетъ и что ему страшно было одному быть съ ней. Пришелъ дворникъ, требуя плату за квартиру или оставленія вещей вмѣсто денегъ. У меня не было денегъ съ собой, и я рѣшилась оставить постель Анны Семеновны въ залогъ. Наконецъ, Анна Семеновна была на носилкахъ перенесена въ автомобиль. Мы съ Алешей помѣстились тамъ же (хотя этого и не полагалось!) Скоро мы пріѣхали въ больницу. Аннѣ Семеновнѣ было уже очень плохо. Добрый Иванъ Петровичъ и его жена поджидали насъ. Кровать уже была поставлена въ тепломъ больничномъ корридорѣ. Анну Семеновну положили туда. Иванъ Петровичъ осмотрѣлъ ее, и опредѣлилъ — крупозное воспаленіе обоихъ легкихъ и только головой покачалъ.

— Ну, Алеша, голубчикъ, сказала я ему теперь пойдемъ домой ко мнѣ, а завтра навѣстимъ маму.

— Одно только, — думала я — вѣдь я должна завтра идти на службу — Кто накормитъ ребенка?

Но и тутъ все обошлось. Елизавета Николаевна сама предложила мнѣ «подѣлить Алешу пополамъ», т. е.

чтобы до моего прихода со службы онъ былъ у нея и игралъ съ ея дѣтьми. Грустная была минута, когда Алеша разставался съ матерью, но, видно, моя искренняя симпатія къ чудесному ребенку внушила и ему отвѣтное чувство ко мнѣ, и онъ довѣрчиво пошелъ со мной. Дома мы сѣли съ Алешей на диванѣ, который отнынѣ сталъ его постелью.Онъ былъ сильно утомленъ. Выпивъ чаю, онъ заснулъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Я смотрѣла на его милую головку, чувствовала, что люблю его и что мы — связаны съ нимъ, что бы ни было дальше . . .

— Анна Семеновна проболѣла два мѣсяца, но, къ счастью, поправилась. Мы съ Алешей ежедневно навѣщали ее, что намъ было разрѣшено въ видѣ исключенія въ виду серьезности ея болѣзни. Съ дѣтьми доктора Алеша познакомился и подружился. Но лучшими его и моими минутами были тѣ, когда, возвращаясь со службы и зайдя за нимъ къ Елизаветѣ Николаевнѣ, я брала его къ себѣ. На нѣсколько минутъ мы заходили въ больницу къ Аннѣ Семеновнѣ, а затѣмъ ѣхали на трамваѣ домой. Тутъ Алеша окончательно расцвѣталъ. Особенно любилъ онъ рисовать, къ чему былъ, повидимому, очень способенъ. Мы съ нимъ купили краски и цвѣтные карандаши ,и онъ безъ отдыха рисовалъ свои дѣтскія фантазіи. А я смотрѣла на его блѣдное личико и была счастлива.

Когда Анна Семеновна поправилась окончательно, докторъ, бывшій врачемъ въ дѣтскомъ пріютѣ, предоставилъ ей тамъ мѣсто воспитательницы. Тамъ у нея была хорошая, сухая комната, гдѣ она и поселилась съ Алешей. Алеша сталъ вскорѣ ходить въ школу. По субботамъ онъ всегда приходилъ ко мнѣ и, конечно, рисовалъ: его краска и карандаши были уже наготовѣ! Однажды онъ нарисовалъ мнѣ маленькаго бѣдно-одѣтаго мальчика, держащаго въ рукѣ букетикъ ландышей . . . И тихонько улыбнувшись, онъ спросилъ, взглянувъ на меня: — ты помнишь, какъ я продавалъ тебѣ ландыши?

. . . Но все прекрасное быстро проходитъ. Кончились и мои встрѣчи съ Алешей. Я должна была уѣхать на Югъ Россіи. — Сперва мы часто переписывались съ Алешей и его матерью . . . Потомъ волна революціи порвала нашу связь. Конечно, я помнила своего маленька-

го друга, дававшаго такое тепло моей душѣ, но переписка съ нимъ стала почти невозможной. Однажды письмо Аннѣ Семеновнѣ вернулось съ надписью: «адресатъ выѣхалъ неизвѣстно куда».

Такъ мы и потеряли другъ друга. Прошло много, много лѣтъ. Я — за границей. Гдѣ-то теперь Алеша? Какимъ онъ сталъ? На какой путь направило его благородное его чистое сердце? — Кто знаетъ?

Но въ памяти моей живетъ этотъ милый мальчикъ, съ ландышами въ рукахъ, и сейчасъ свѣтло у меня на душѣ, когда я смотрю на этотъ его рукой сдѣланный дѣтскій рисунокъ . ..

Евгенія Гинце.

Училище благочестія.

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Господи! не знаю, чего мнѣ просить у Тебя. Ты одинъ вѣдаешь, что мнѣ потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умѣю любить Тебя. Отче, даждь рабу твоему, чего самъ и просить не умѣю. Не дерзаю просить ни креста, ни утѣшенія, только предстою предъ Тобою. Сердце мое Тебѣ отверзто; Ты зришь нужды, которыхъ я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей; порази и исцѣли, низложи и подыми меня! Благоговѣю и безмолствую предъ Твоею волею, и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя въ жертву Тебѣ; нѣтъ у меня желанія, кромѣ исполнить волю Твою; научи меня молиться. Самъ во мнѣ молись. Аминь.

Св. Тихона Задонскаго.

« ЧЕЙ ТЫ? »

Слышимъ, одинъ другого вопрошаетъ: "Чей ты?" И отвѣчаетъ другій: я-де такого-то господина рабъ или такого-то отца сынъ, и проч. Тако когда христіанина вопросятъ, что ему должно отвѣтствовать? Подлинно всякому христіанину должно отвѣчать: *Христовъ рабъ есмь,* ибо *Христа исповѣдуетъ Господа своего* (1 Кор. VII, 22; Рим. X, 9; Кол. III, 24). Но посмотри, христіанине, въ совѣсть твою, работаеши ли ты Христу, угождаеши ли Христу, яко рабъ господину. Мученики святіи, когда ихъ мучители вопрошали — "чьи вы", отвѣтствовали дерзновенно: "мы Христіане, мы Христовы раби есмы". Но они такъ вѣрны Христу Господу своему были, что крови и живота своего ради имене Его святаго не щадѣли; тако Его любили, что не только честь, слава и богатства міра сего, плачъ и слезы отцевъ и матерей, женъ и дѣтей, но и ужасное мученіе и *самая смерть отъ Христовой любви не могла разлучить ихъ* (Рим. VIII, 38 и 39). То-то истинніи рабы Христовы, то-то истинніи христіане, сынове свѣта, сынове церкве святыя, кроткія овцы Христовы, храбріи воини Христа Царя, прелюбезны уды Христовы, чада Бога Вышняго и наслѣдники царствія Его! А тебѣ, христіанине, который Христа исповѣдуешь, но противно Христу живешь, тебѣ, говорю, какъ сказать: "Христовъ рабъ есмь"? Подлинно велико есть быть "Христовымъ рабомъ". Сія честь и достоинство несравненно большее и высшее есть, нежели быть сыномъ славнаго князя или царя земного. *О Господѣ похвалится душа моя* (Псал. XXXIII, 3). Многіе хвалятся: я-де такого-то высокаго господина рабъ, или такого-то князя или вельможи слуга, или такого-то царя придворный. Но христіане истинно и достойно хвалятся о Господѣ своемъ: мы Царя небеснаго "Іисуса Христа раби". Подлинно истинная сія похвала есть, истинно высокая слава, честь и достоинство быть и называться "Христовымъ рабомъ". Но какъ тому называть себе Христовымъ рабомъ, который грѣху, міру и себѣ работаетъ, а не Христу? Что бо пользуетъ называться Христовымъ рабомъ, а не быть Христовымъ рабомъ? внѣ и исповѣданіемъ быть христіаниномъ, но внутрь, въ нравѣ быть язычникомъ, или, что горшее того, скотомъ? Апостолъ святый объявляетъ намъ примѣты Христовыхъ рабовъ, да искушаемъ и познаемъ себе, Христовы ли мы есмы.

Иже, рече, *Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24). Вотъ знаки Христовыхъ людей и рабовъ! Распни убо, христіанине, плоть свою со страстьми и похотьми, и будеши истинно "Христовъ рабъ", исповѣданіемъ и вещію христіанинъ. Иначе ложный тотъ христіанинъ, который называется христіаниномъ, а нрава христіанскаго не имѣетъ, и не живетъ по-христіански. Буди убо внутрь христіаниномъ, а не точію внѣ, и тогда истиннымъ "Христовымъ рабомъ" будеши. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите яже глаголю?* (Лук. VI, 46), глаголетъ Господь. Твори убо что хощетъ Господь ,и тогда называй Его Господемъ своимъ, и Онъ признаетъ тебе за раба Своего.

— * * * —

ПИСЬМА КЪ МІРЯНАМЪ.

Съ Божіею помощью отвѣчаю на письмо ваше. Сказалъ Господь: *Никто же можетъ придти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. VI, 44). Итакъ — хотя орудіе призванія — человѣкъ, но призваніе — Божіе; призывающій Богъ. Ощутивъ это призваніе, которое сдѣлалось вамъ слышимымъ по совершеніи уже многаго пути въ земномъ странствованіи, не ожесточите сердца вашего. А ожесточается оно *лестію грѣховною,* какъ сказалъ святый Апостолъ Павелъ. *Блюдите братія,* говоритъ онъ, *да не будетъ когда въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво, исполнено невѣрія, во еже отступити отъ Бога жива* (Евр. 3).

Не совѣтовалъ бы я вамъ входить въ подробное и тонкое разбирательство грѣховъ и грѣховныхъ качествъ вашихъ. Соберите ихъ всѣ въ одинъ сосудъ покаянія и ввергните въ бездну милосердія Божія. Тонкое разбирательство грѣховъ своихъ нейдетъ человѣку, ведущему свѣтскую жизнь, оно будетъ только ввергать его въ уныніе, недоумѣніе, смущеніе. Богъ знаетъ наши грѣхи и если мы будемъ постоянно прибѣгать къ Нему въ покаяніи, то Онъ постепенно исцѣлитъ самую грѣховность нашу, то есть, грѣховные навыки, качества сердца. Грѣхи, содѣланные словомъ, дѣломъ, сложеніемъ помышленій, должно

сказать на исповѣди отцу духовному; а въ тонкое разбирательство грѣховныхъ качествъ, повторяю, не должно свѣтскому человѣку пускаться: это ловушка, ставимая ловителемъ душъ нашихъ. Познается же она по производимому въ насъ смущенію и унынію, хотя по наружности и облечена въ благовидность добра. Нужно это черное покрывало для иноковъ, чтобы закрывать ими лучи благодати, сіяющіе изъ ума ихъ и сердца; нужно это черное покрывало для иноковъ уже преуспѣвшихъ, которыхъ зрѣніе грѣховности своей не можетъ привести въ безнадежіе, приводитъ только въ смиреніе. Такъ нѣкогда носилъ покрывало на сіяющемъ лицѣ своемъ Боговидецъ Моисей.

Надо признавать, — и это признаніе будетъ вполнѣ справедливымъ: — надо признавать, что всѣ мы, человѣки, находимся больше или меньше въ самообольщеніи, всѣ обмануты, всѣ носимъ обманъ въ себѣ. Это — слѣдствіе нашего паденія, совершившагося чрезъ принятіе лжи за истину; такъ всегда падаемъ и нынѣ. Оттого въ насъ такая перемѣнчивость! Утромъ я таковъ, къ полудню иной, послѣ полудня еще иной, и такъ далѣе. Оба міра дѣйствуютъ на меня, я подчиненъ обоимъ имъ, въ плѣну у обоихъ ихъ. Міръ духовъ дѣйствуетъ чрезъ помышленія и сердечныя ощущенія; міръ вещественный — чрезъ чувства тѣлесныя. Оба манятъ ко вкушенію плода запрещеннаго. Телѣснымъ чувствамъ, зрѣнію, слуху, осязанію представляется этотъ плодъ прекраснымъ; помыслъ, — слово невидимаго существа, внушаетъ, твердитъ: "вкуси, узнай!" Манитъ любопытствомъ, подстрекаетъ тщеславіемъ. Раздается въ душѣ нашей голосъ обольстителя, голосъ, который услышали во первыхъ наши прародители въ раю; раздается голосъ: *"будете яко бози"*. Раздается и соблазняетъ; соблазняетъ и убиваетъ. Потому-то дана человѣкамъ новая добродѣтель: "смиреніе", дано новое внутреннее дѣланіе: "покаяніе". И дѣланіе и добродѣтель — подлинно странныя! Онѣ радикально противоположны тому, чрезъ что мы пали. Покаяніемъ умерщвляется пагубное вліяніе чувствъ телѣсныхъ; а смиреніемъ уничтожается высокоуміе, тщеславіе, гордость житейская, словомъ все, что человѣка, попросту сказать, съ ума сводитъ.

Какъ же быть! — Не должно смущаться бывающими перемѣнами, какъ чѣмъ необыкновеннымъ; не должно пускаться въ тонкое разбирательство грѣховъ, но проводить жизнь въ постоянномъ покаяніи, признавая себя грѣшнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и вѣруя, что милосердый Господь всякаго, лишь при-

знавшаго грѣховность свою, пріемлетъ въ объятія Своего милосердія, въ нѣдро спасенія. Это разумѣется не о грѣхахъ смертныхъ, покаяніе въ которыхъ, принимается Богомъ тогда только, когда человѣкъ оставигъ смертный грѣхъ? Занятія по дому и хозяйству очень полезны: удаляютъ отъ праздности и облегчаютъ уму невидимую его борьбу. Борьба при праздности возводитъ въ сильный подвигъ, позволительный только тому, кто къ нему вынужденъ обстоятельствами, или приведенъ Богомъ. Благоразуміе требуетъ не выходить на борьбу, превышающую силы, напротивъ того по возможности облегчать ее для себя. Вѣруйте Всемогущему Богу, надѣйтесь на Него, живите терпѣливо и постоянно, живите въ простотѣ, въ покаяніи и смиреніи, предавайтесь волѣ Божіей, когда случится сбиться съ праваго пути, — снова на него направляйтесь, — и спасетесь.

† Еп. Игнатій (Брянчаниновъ).

Редакція «Православной Руси» усердно проситъ своихъ друзей, подписчиковъ и читателей оказать посильное содѣйствіе въ дѣлѣ распространенія журнала въ его расширенномъ теперь видѣ. Журналъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможностей вести рекламу и даже просто освѣдомлять о своемъ существованіи. Не оставляйте лежать у себя журналъ, знакомьте съ нимъ своихъ друзей и знакомыхъ. Особаго вниманія требуетъ англійское начинаніе нашего журнала, которому мы постараемся дать должную литературную обработку. Продвигайте его въ среду вамъ церковно-близкую, но уже отчудившуюся отъ русскаго языка и съ большей легкостью пользующуюся языкомъ англійскимъ. Не упускайте случая самаго малаго и для того, чтобы удовлетворить, укрѣпить, возбудить интересъ къ Православію у всѣхъ тѣхъ, кто хотя и отчудился отъ Церкви, но не утратилъ съ нею внутренней связи. Этимъ вы поможете и намъ исполнить нашъ миссіонерскій долгъ, и сами заслужите милость у Господа, памятуя слова ап. Іакова: «обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество (своихъ) грѣховъ». (Іак. V, 20).

РАЗЫСКИВАЮТЪ.

ОЛЬГА СТЕЛЬМАНЪ разыскиваетъ своего дядю ГЕОРГІЯ КУЛЬМАТИЦКАГО съ женою ОЛЬГОЮ и двумя дочерьми ВѢРОЙ и НАДЕЖДОЮ.

Лицъ знающихъ что либо о нихъ просимъ сообщить по адресу редакціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1950-й ГОДЪ
НА ДУХОВНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Православная Русь"

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 21-ый.

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ» будетъ выходить попрежнему ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, въ прежнемъ объемѣ и съ прежней программой.

Однако, идя навстрѣчу церковнымъ кругамъ и читателямъ, Редакція вводитъ ПРИЛОЖЕНІЯ, РУССКОЕ И АНГЛІЙСКОЕ.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, книжнаго формата въ обложкѣ (36 стр.), будетъ выходить ежемѣсячно подъ названіемъ:

"ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ".

Въ немъ будетъ помѣщаться литературный матеріалъ церковнаго характера: толкованія основныхъ истинъ Православной Вѣры, объясненія праздниковъ и богослуженія, житія святыхъ, церковно-назидательная беллетристика и поэзія, поучительныя повѣствованія изъ дѣйствительной жизни, прошлой и настоящей и т. д., а равно и ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ. Текущая хроника и матеріалъ полемическій помѣщаться не будетъ.

АНГЛІЙСКОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, тоже книжнаго формата (16 стр.), будетъ выходить тоже разъ въ мѣсяцъ, подъ названіемъ:

"THE ORTHODOX LIFE".

Оно предназначается для молодого поколѣнія, уже плохо знающаго языкъ своихъ отцовъ, а также и для природныхъ американцевъ, среди которыхъ наблюдается въ настоящее время интересъ къ Православію. Будетъ также и ДѢТСКІЙ отдѣлъ.

Помимо этихъ двухъ приложеній ежемѣсячныхъ, будетъ выпущенъ еще сборникъ богословскаго характера (около 160 стр.) подъ названіемъ:

"ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ".

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на «Православную Русь» съ ежемѣсячнымъ литературнымъ русскимъ приложеніемъ устанавливается для США и Канады ВЪ РАЗМѢРѢ 6 АМ. ДОЛЛ. ВЪ ГОДЪ. Желающіе получать англійское приложеніе доплачиваютъ 1 долл. Равнымъ образомъ, 1 долларъ доплачиваютъ и тѣ, кто хочетъ получить «Православный путь». Такимъ образомъ, годовая подписная плата со всѣми приложеніями будетъ составлять 8 ам. долл.

Лица, не состоящіе подписчиками Православной Руси, могутъ подписаться отдѣльно на «ПРАВОСЛАВНУЮ ЖИЗНЬ», уплачивая 3 ам. долл. въ годъ, на «THE ORTHODOX LIFE», уплачивая 2 ам. долл. въ годъ, и на «Пр. Путь», уплачивая за него 2 долл.

ПОДПИСКА НА «ПРАВОСЛАВНУЮ РУСЬ» БЕЗЪ ЛИТЕРАТУРНАГО РУССКАГО ПРИЛОЖЕНІЯ ПРИНИМАТЬСЯ НЕ БУДЕТЪ.

Для странъ съ низкой валютой устанавливается удешевленная подписка: 4,50 долл. на «Прав. Русь» съ «Православной Жизнью» и 2 ам. долл. на одну «Православную Жизнь».

Подписка принимается и на полгода, въ половинномъ размѣрѣ.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y. U. S. A

LIBRARY
At St. Tikhon's Russ. Monastery
South Canaan, Pa.
№ 1.861
3.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Православная Русь".

3

МАРТЪ 1950 MARCH

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

HARY of the
RIARCH ATHENAGO
HODOX INSTITUTE
GRADUATE
OLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Андреево стояніе. Прот. М. Помазанскаго 3
Ранняя весна. Стихотвореніе А. М. Жемчужникова. 7
«Марія, возлюби Христа, какъ Марія возлюбила Его». Изъ дѣтскихъ воспоминаній монахини А. 9
Искупленный грѣхъ. (Извлечено изъ книги «На берегу Божіей рѣки», Сергѣя Нилуса) 12

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Друзья. Ксеніи Юрьевой 18
Я — русскій. Галины Дейныциной 21

Училище благочестія.

Пяточисленныя молитвы Св. Димитрія Ростовскаго 27
Для чего установлена св. Четыредесятница? (Благословеніе св. горы Аѳонской) 31
Св. Василія Великаго о постѣ 32
Письма къ мірянамъ. Епископа Игнатія Брянчанинова 33

Приближается Свѣтлый Праздникъ. Каждый православный христіанинъ устремится въ храмъ. Дайте ему возможность получить всю полноту радости отъ божественной службы: услышать, уразумѣть каждое ея слово. А для этого дайте ему въ руки маленькое изящно изданное **Послѣдованіе пасхальной службы,** только что выпущенное для этой цѣли Монастыремъ. Цѣна 25 центовъ. Для выписывающихъ не меньше 50 экземпляровъ цѣна 15 цент.

Имѣется на складѣ **Канонъ св. Андрея Критскаго** на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Цѣна 75 цент.